

Шерифе Йиит против Турции [Şerife Yiğit v. Turkey] (№ 3976/05)

Постановление от 2 ноября 2010 г. [вынесено Большой Палатой]

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

Заявительница заключила брак по религиозному обряду в 1976 году, и ее муж в 2002 году скончался. В 2003 году она предъявила иск от своего имени и от имени своей дочери о признании своего брака, а также об установлении отцовства. Суд удовлетворил второе требование, но отклонил ее требование о регистрации брака. Заявительница также обратилась в пенсионный фонд с требованием о переводе на нее и ее дочь пенсии и выплат по медицинскому страхованию покойного мужа, но получила отказ. Выплаты были переведены на дочь, но не на мать, на том основании, что брак не имел юридической силы. Заявительница безуспешно обжаловала это решение.

Постановлением от 20 января 2009 г. Палата Европейского Суда установила четырем голосами «за» и тремя – «против», что по делу требования статьи 8 Конвенции нарушены не были (см. «Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека» № 115).

ВОПРОСЫ ПРАВА

По поводу соблюдения статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 к

Конвенции. (а) Вопрос о применимости к делу положений статьи 14 Конвенции. Согласно национальному законодательству и прецедентной практике, только лица, заключившие брак в соответствии с Гражданским кодексом, имеют право наследовать социальные накопления покойного супруга. Однако, хотя статья 1 Протокола № 1 к Конвенции не включает право получения социальных выплат любого рода, если государство принимает решение о создании системы пособий, оно должно сделать это в порядке, совместимом со статьей 14 Конвенции. Заявительница жаловалась на то, что ей не были присуждены выплаты социального страхования, основанные на праве покойного партнера, по дискриминационным мотивам, а именно статуса женщины, вступившей в брак по религиозным обрядам. Соответственно, статья 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции являлась применимой в настоящем деле.

(b) Существо жалобы. (i) Может ли гражданский или религиозный характер брака являться источником дискриминации, запрещенной статьей 14 Конвенции. Не заключив законный брак, заявительница проживала в моногамной связи со своим партнером в течение 26 лет, до его смерти, а также с шестью общими детьми. Трибунал по трудовым спорам отклонил требование заявительницы о пенсии и социальных выплатах пережившему супругу, основанное на праве покойного партнера, поскольку она не заключила законный брак. Настоящее дело затрагивает один из аспектов личного «статуса», который может быть источником дискриминации, запрещенной статьей 14 Конвенции, поскольку не оспаривалось, что различие в обращении, которому подверглась заявительница в отношении данных льгот, было основано на негражданском характере ее брака с партнером.

(ii) Имелось ли объективное и разумное оправдание различия в обращении. Институт моногамного гражданского брака как предварительное условие для любого религиозного брака был направлен на защиту женщины. Таким образом, данное различие в обращении прежде всего преследовало законные цели защиты общественного порядка и прав и свобод других лиц. Заявительница не могла утверждать, что она имела законное ожидание получения социальных льгот на основании прав партнера. Правила, устанавливающие материальные и формальные условия, регулирующие гражданский брак, являлись ясными и доступными, процедура заключения гражданского брака проста и не возлагает чрезмерного бремени на заинтересованных лиц. Кроме того, заявительница имела достаточно много времени – 26 лет – для заключения гражданского бра-

ка. Таким образом, отсутствовало основание для ее утверждения о том, что меры, которые она предположительно приняла для легализации своей ситуации, были затруднены громоздким характером или медлительностью административных процедур. Что касается того, мог ли орган регистрации гражданского состояния или должен ли он был легализовать ее ситуацию по своей инициативе на основе законодательства об амнистии, введенного в отношении внебрачных детей, хотя государство могло регулировать гражданские браки, это не означает, что оно может принуждать лиц, относящихся к его юрисдикции, заключать гражданский брак. Кроме того, законодательство об амнистии было направлено на улучшение ситуации детей. Соответственно, имела место разумная связь пропорциональности между оспариваемым различием в обращении и преследуемой законной целью. Соответственно, имелось объективное и разумное оправдание для данного различия в обращении.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

По делу требования статьи 14 Конвенции нарушены не были (принято единогласно).

По поводу соблюдения статьи 8 Конвенции. Большая Палата полностью согласилась с выводом Палаты о применимости статьи 8 Конвенции. Тот факт, что заявительница и ее партнер выбрали религиозную форму брака и не заключили гражданский брак, не влекло каких-либо административных или уголовных санкций, препятствующих заявительнице в ведении эффективной семейной жизни. Соответственно, статья 8 Конвенции не может быть истолкована как возлагающая на государство обязанность признавать религиозный брак, она также не требует от государства создания особого режима для конкретной категории неженатых пар. Таким образом, тот факт, что заявительница не имела статуса наследницы в соответствии с законодательством, не предполагал нарушения ее прав, гарантированных статьей 8 Конвенции.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

По делу требования статьи 8 Конвенции нарушены не были (принято единогласно).

(См. противоположный пример в Постановлении Европейского Суда от 8 декабря 2009 г. по делу «Муньос Диас против Испании» [Munoz Diaz v. Spain], жалоба № 49151/07, «Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека» № 125¹.)

¹ «Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека» № 125 соответствует «Бюллетеню Европейского Суда по правам человека» № 5/2010.